

Лада Геннадьевна Панова

СОФИЙНЫЙ ДИСКУРС АЛЕКСАНДРА БЛОКА*

(на примере «Снежной Девы»)

1.

В этой статье, поневоле полемичной, речь пойдет о Прекрасной Даме, Незнакомке, Снежной Деве и такого рода женских образах в лирике и поэмах Блока.

Заявленная тема может показаться избитой. В самом деле, ею начали заниматься еще критики Серебряного века (подробнее и основательнее других – Корней Чуковский¹), а продолжила – западная славистика (особенных похвал заслуживает Сэмьюэль Чоран²). О Прекрасной Даме Блока, пусть по-эзоповски, высказывались и советские литературоведы (наиболее представительными считаются работы З.Г. Минц³). Наконец, сейчас, в идеологически свободное время, в России выходит новое многотомное издание Блока с внушительными комментариями, которые освещают и интересующую нас тематику⁴. Тем не менее, полного порядка в этой – по определению важной – области блоковедения нет. Говоря, что Прекрасная Дама – наиболее блоковская тема или что Блок – главный певец Прекрасной Дамы, никогда не указывается, сколько стихотворений ей посвящено (десяток, несколько десятков, сотня?) и какие это стихотворения. Далее, никогда не выдвигались критерии отделения таких стихотворений от любовной или религиозно-философской лирики Блока. На повестке дня – заполнение других зияющих пробелов. С. Чоран, хотя и подробно останавливается на том, как менялись блоковская мифология Прекрасной Дамы (а именно в сторону устрашающей демонизации), поэтики, ее проводящей, практически не касается. З.Г. Минц хотя и составила частотный словарь к сборнику «Стихи о Прекрасной Даме», выводы о поэтике этого сборника сделала весьма приблизительные⁵. Наконец, в объяснительных статьях нового издания Блока адресация стихотворений Прекрасной Даме прописывается лишь от случая к случаю, и читателю нередко приходится гадать, является ли героиня Блока вознесенной до небес реальной женщиной или же неземным бесплотным созданием, спустившимся на землю и одевшимся в земную плоть.

Наведение порядка должно начаться с отчетливого понимания того, кто такие *Прекрасная Дама*, *Владычица мира (Царица)*, *Дева-Заря-Купина*, *Незнакомка* или

* Софийный дискурс Александра Блока (на примере «Снежной Девы») // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., Индрик, 2008, с. 311-317.

¹ [Чуковский 1922].

² [Cioran 1977].

³ См. [Минц 1999].

⁴ [Блок 1997].

⁵ [Минц 1999: 568-678].

Снежная Дева в поэзии Блока. Эти и некоторые другие перифрастически названные героини сводимы к одному образу: Софии, первоначально мира, которая по христианским представлениям является четвертой, женской, ипостасью Божественной Троицы, а по гностическим и оккультным – разлитой в природе Душой мира, которая, вдобавок, воплощается в самых красивых земных женщин. В монографии «Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина» я различаю 4 ипостаси Софии (другие исследователи – меньше). Это:

- владычица мира;
- душа мира, разлитая в нем;
- полувоплотившаяся София, которая ненадолго предстает перед своим избранником;
- и реальная женщина, в которую вселилась мировая душа.⁶

Дальше я буду называть героиню лирики Блока Софией, а дискурс, ее описывающий, – софийным.

2.

Блоковский дискурс Софии имеет и общесимволистские черты⁷, и свои собственные. София у него, как правило, вводится готовой поэтической лексикой для обозначения Царицы, бессмертной Богини, Возлюбленной и закатного/ рассветного/ ночного/ снежного пейзажа, с теми или иными вариациями. В паре с Софией всегда выступает лирический герой, чьи сюжетные функции – быть рабом при царице, богомольцем при Богине и – шире – избранником Софии. Местом их встречи может быть природный пейзаж (обычно на закате или рассвете), несущий уже отсвет фантастического, а также храм, терем, город.

В сущности, все блоковские стихотворения – это, переходя на терминологию В.Я. Проппа⁸, одно стихотворение, в той или иной модальности рассказывающее о встрече лирического «я» и Софии. Модальности же могут быть следующими: встреча реальная, ожидаемая или чаемая; во сне, мечте, видении или во время богослужения; в будущем или прошлом. В отличие от других русских поэтов Софии для Блока важен вопрос достоверности: та, что он видит, София или нет?

В софийной поэзии Блока создается многоплановость: условность переходит в реальность и наоборот. Поскольку его творчество подпитывала визионерская и житнетворческая практика (сначала почитание Софии в Л.Д. Менделеевой, а некоторое

⁶ См. [Панова, 2006, II, 223-224].

⁷ См. об этом [Панова 2006, II, 223-259].

⁸ [Пропп 1928].

время спустя – аналогичное мифотворчество в отношении других женщин), то его София – не только абстракция, т.е. вторая, божественная, реальность мира, находящаяся там, высоко, на небе, высшая истина, которая открывается в видениях, снах и о которой постоянно мечтается, но и часть его реальной жизни – ведь он женат на ней или же ухаживает на ней. Недаром в Софии его поэзии постоянно мерцает реальное и сверхъестественное, а в описаниях встреч с ней через фантастические пейзажи проступают шахматовские и петербургские. Втягивание личного опыта, видимо, и делает изрядную долю блоковских стихотворений артистически убедительными, хотя задачу натурализации оно решает (да и едва ли Блок ставил перед собой такую задачу).

Исключительный интерес представляет прагматическое оформление софийного дискурса, общее у всех символистов. София – тайна, которую надо скрывать от непосвященных, а потому интенции говорящего состоят в том, чтобы одновременно намекнуть о встрече с ней, но и утаить ее от читателя-профана. В частности, в поэзии Блока настоящее имя Софии (*София*) опускается; вводится же она символами, приметам и т.д., в перифразах и при помощи местоименной поэтики (*Она, Ты* с заглавной буквы).

Из всего сказанного может сложиться впечатление, что блоковская софийная лирика создается чистым наитием поэта, что не соответствует действительности. Все русские поэты работали в готовом каноне, лишь минимально отклоняясь от него. Он сложился в поэзии Гете, которую к русскому менталитету, на рубеже веков находившемуся в поисках новых религиозных форм, адаптировал Владимир Соловьев. И Соловьев, и Блок вводили в софийный дискурс русскую любовную классику (Лермонтова, Тютчева и Фета), в том числе на правах цитат.

В русском изводе этого канона важной составляющей были ссылки на авторитеты в софиологии. Блок полностью подчиняется и этому правилу. Наиболее часто он приводит цитаты из Соловьева.

Так реконструированный софийный дискурс в большинстве может служить лакмусовой бумажкой для отделения софийной поэзии от чисто любовной. В результате получается, что Блок написал более 150 стихотворений о Софии. И это при том, что у Гете софийных сочинений – 4, у Шелли – 1, у Соловьева – около 20, а у Кузмина – 4.

3.

Далее софийный дискурс Блока будет проиллюстрирован одним из самых знаменитых стихотворений – «Снежной Девой» (1907)⁹:

⁹ Один из первых откликов на это стихотворение принадлежал Георгию Чулкову – см. его статью «Снежная дева» в [Чулков 1998: 380-383].

Она пришла из дикой дали –
Ночная дочь иных времен.
Ее родные не встречали,
Не просиял ей небосклон.

Но сфинкса с выщербленным ликом
Над исполинскою Невой
Она встречала с легким вскриком
Под бурей ночи снеговой.

Бывало, вьюга ей осыпет
Звездами плечи, грудь и стан, –
Всё снится ей родной Египет
Сквозь тусклый северный туман.

И город мой железно-серый,
Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла,
С какой-то непонятной верой
Она, как царство, приняла.

Ей стали нравиться громады,
Уснувшие в ночной глуши,
И в окнах тихие лампы
Слились с мечтой ее души.

Она узнала зыбь и дымы,
Огни, и мраки, и дома –
Весь город мой непостижимый –
Непостижимая сама.

Она дарит мне перстень вьюги
За то, что плащ мой полон звезд,
За то, что я в стальной кольчуге,
И на кольчуге – строгий крест.

Она глядит мне прямо в очи,
Хваля неробкого врага.
С полей ее холодной ночи
В мой дух врываются снега.

Но сердце Снежной Девы немо
И никогда не примет меч,
Чтобы ремень стального шлема
Рукою страстною рассечь.

И я, как вождь враждебной рати,
Всегда закованный в броню,
Мечту торжественных объятий
В священном трепете храню.

Сюжет этого стихотворения включает следующие звенья: приход Софии в город лирического героя, их встреча, ее обручение с ним перстнем вьюги, его рыцарское служение ей и, наконец, его желание вступить с ней в любовный поединок. И все это – при отсутствии физического контакта между героями, исключая взгляд глаза в глаза. Отсюда следующее признание рассказчика и герою: *Мечту торжественных объятий/ В священном трепете храню*. При этом Петербург, достояние лирического героя, превращается в царство Снежной девы. Она постепенно привыкает к городу, который

своей непостижимостью оказывается ей изоморфен, и овладевает им. Город – не единственное общее у двух героев. У них обоих есть мечты – правда, разнонаправленные. Помимо объединяющих героев любовных и метафизических перипетий, Блок также держит в фокусе их внешность: плечи, грудь и стан у нее; плащ, кольчугу и шлем у него.

В таком виде сюжет стихотворения отразил роман Блока с красавицей-актрисой Натальей Волоховой. Его подробностями Волохова делится в своих воспоминаниях. Еще один источник сведений о нем – мемуары актрисы Валентины Веригиной. Волохова, недавно пережившая страстное увлечение Василием Качаловым, в ухаживаниях Блока, долгих зимних прогулках с ним по тому Петербургу, где разворачивается действие его пьесы «Незнакомка», находила столь нужное ей душевное успокоение. Но Блок требовал от нее большее – в частности, в стихах, и демонизировал ее то в виде Прекрасной Дамы, то в виде Клеопатры. В отличие от Любви Менделеевой, поощрявшей игры Блока, Волохова сопротивлялась блоковскому мифотворчеству.

Холодность Волоховой к Блоку в рассматриваемом стихотворении одевается в образ Снежной Девы. Эта героиня демонизирована благодаря андерсеновским подтекстам, которые читатели того времени легко улавливали: Снежной Королеве и Деве Льдов, чьи ледяные поцелуи несли гибель героям-мужчинам¹⁰. Довершает снежную тему зимний петербургский пейзаж.

В блоковском стихотворении немало деталей, торчащих самым картонным образом. Начать с обрисовки героини: Дева снежная, а ее происхождение почему-то египетское и, появившись в Петербурге из сказок Андерсена, она по какой-то непонятной причине встречает криком узнавания сфинксов у Академии художеств (сфинкс у Блока – в ед.ч.). Разгадка этого противоречия приводит нас к Соловьеву, законодателю софийной поэзии. На третье свидание с Софией он отправился в Египет, в пустыню под Каиром, о чем в юмористическом духе рассказывает его поэма «Три свидания»¹¹. Посетив затем Египет вторично, в память о первом – судьбоносном – путешествии, Соловьев написал стихотворение «Нильская дельта» с такими финальными строками: *Не Изиды трехвенечная/ Ту весну им приведет,/ А нетронутая, вечная/ «Дева Радужных Ворот»*¹². В эту вторую поездку были и другие стихи, где мистически обесточенный юг (Египет) противопоставлялся мистически заряженному северу (Финляндии). Таким образом, египетская родословная Снежной Девы учитывает учение Соловьева на разных его

¹⁰ Андерсеновские подтексты отметил уже Георгий Чулков, см. [Чулков 1998: 381-382].

¹¹ См. о ней [Панова 2006, I: 40-41 сл.].

¹² См. о нем [Панова 2006, I: 271-276].

этапах¹³, условно говоря «южном» и «северном», причем Блок вводит ссылку на главный авторитет в русской поэтической софиологии путем отказа от натурализации,

Еще одна странность в обрисовке Снежной Девы – *лампада*, которая *слилась с мечтой ее души*. Применение религиозного словаря для описания Софии лишний раз подчеркивает ее божественную ипостась, пусть и за счет отказа от естественности.

Имеется в стихотворении и психологический парадокс. Снежная дева бесстрашна, но лирический герой почему-то надеется на роковой поединок – судя по описанию, à la Зигфрид и Брунхильда, из вагнеровской оперы. У Блока до битвы дело не доходит, и, соответственно, стихотворение венчают не сами объятия, а лишь мечта о них. Оформляется этот парадокс чужим словом. *Поединок роковой* – не что иное, как сознательная цитата из «Предопределения» Тютчева (в ранних вариантах эта строка даже служила эпиграфом к стихотворению). Так Блок в софийном дискурсе прибегает к формулам своих предшественников по линии любовной лирики.

Есть натяжки и в обрисовке лирического героя. Он, с одной стороны пребывает в современности, и его город, Петербург, *железно-серый*. С другой же стороны, София избирает его по сильно архаизированному одеянию, аналогичному тому, что было в пьесе «Незнакомка»: плащу, полному звезд, стальной кольчуге и стальному шлему. Такой вид героя призван подчеркнуть, что его служение Софии носит средневековый – рыцарский – характер.

Суммируя все сказанное о «Снежной Деве», еще раз подчеркну, что Блок не добивается натурализации софийного сюжета, а, напротив, действует в рамках поэтики условности. София у него дается сразу в трех ипостасях: она и реальная женщина, и царица, и богиня, объект культа (отсюда *лампада*). В фокусе повествования – встреча Софии и лирического героя, которая развивается в трех планах: реальном, отражая роман Блока с холодной к нему Волоховой; каноническом софийном – отсюда ссылка не просто на Соловьева, но на его египетско-финский опыт; и общепоэтическом лирическом – отсюда цитирование Тютчева.

4.

Применительно к софийному дискурсу встает вопрос: что считать символом? З.Г. Минц¹⁴ и устоявшаяся лингвопоэтическая традиция, идущая от В.М. Жирмунского, склонна видеть символы в существительных (*ночи, снеге, тумане, дожде*), а также

¹³ Египетские детали «Снежной Девы» можно также рассматривать как продолжение метафоры Клеопатры – женщины-змеи, несущей любовную смерть лирическому герою – реализованной в других стихотворениях волоховского цикла.

¹⁴ [Минц 1999].

глаголах, указывающих на состояние лирического героя. Согласно работе Жирмунского «Метафора в поэтике русских символистов»¹⁵, символ – особый род метафоры, предмет или действие внешнего мира, обозначающие явление мира душевного или духовного по принципу сходства. Но не заводит ли такой подход к символу исследователя софийном темы в тупик? Полагаю, что в данном случае правильнее видеть символы там, где их видели и создавали сами символисты. Тогда София будет означаемым символа, а посвященный ей текст, включающий, в случае «Снежной Девы», снега, сюжет встречи Софии с лирическим героем, ее египетское происхождение и ряд других деталей, - означающим.

Список литературы

- Блок 1997 – *Блок А.А.* Полное собрание сочинений и писем. В 20-ти тт. М., 1997 (продолжающееся).
- Жирмунский 1999 [1921] – *Жирмунский В.М.* Метафора в поэтике русских символистов// НЛЮ. 1999. № 35, с. 222-249.
- Минц 1999 [1979] – *Минц З.Г.* Символ у Александра Блока // Минц З.Г. Поэтика Александра Блока. СПб., 1999, с. 334-361.
- Панова 2006 – *Панова Л.Г.* Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина. В 2-х тт. М., 2006.
- Пропп 1928 – *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. Л., 1928.
- Чуковский 1922 – *Чуковский К.* Книга об Александре Блоке. Берлин, 1922.
- Чулков 1998 – *Чулков Г.* Валтасарово царство. М., 1998.
- Cioran 1977 – *Cioran Samuel D.* Vladimir Solov'ev and the Knighthood of the Divine Sophia. Wilfrid Laurier University Press, 1977.

¹⁵ [Жирмунский 1999].